

Е. Г. Малышева
Омск, Россия

**ДИСКУРСИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ИДИОСТИЛЬ ЖУРНАЛИСТА:
МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ОМСКОГО ЖУРНАЛИСТА СЕРГЕЯ ШКАЕВА) ***

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются современные подходы к анализу языковой личности вообще и медийной языковой личности в частности. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода формулируется дефиниция термина «дискурсивная языковая личность» (языковая личность, специфические индивидуальные характеристики и коммуникативные компетенции которой проявляются в дискурсивной деятельности в рамках дискурса определенного типа) и определяются основные параметры описания специфики ее идиостиля. Анализируется жанровая специфика идиостиля журналиста на примере текстов Сергея Шкаева. В дискурсе этой языковой личности происходят количественные и качественные изменения канонических жанровых моделей, которые можно классифицировать как гибридизацию жанров. Дискурсообразующим жанром С. Шкаева является комментарий. С. Шкаев использует информационный повод не с тем, чтобы в дальнейшем проанализировать конкретное событие, выявить его предпосылки, причины, последствия и тенденции, а для того, чтобы оттолкнуться от него и обрисовать историко-культурное пространство события, обращается к ассоциациям и примерам из истории. Помимо комментария, С. Н. Шкаев также использует жанровый инвариант версии, в результате чего создает, по сути, не публицистический текст, а художественный. Качественное преобразование жанра версии задают такие параметры, как снижение информативности и доминирование «вымысла». Чрезмерная субъективность в оценке социально значимых феноменов, активное употребление специфических средств выразительности, концентрация индивидуальных черт и почти полный отказ от публицистического стандарта приводят к проблеме, связанным с восприятием предлагаемых текстов и их интерпретацией массовым адресатом региональных печатных СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; языковая личность; жанры журналистики; журналистика; СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-а; e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Вводные замечания

В рамках активно развивающейся в последние годы научной дисциплины — лингвистической персонологии [Нерознак 1996] — сегодня выделилось достаточное количество направлений, связанных с изучением языковой личности. Так, В. И. Карасик выделяет психологический, социологический, культурологический, лингвистический анализ языковой личности [Карасик 2004, 2007а, 2007б].

Одним из наиболее перспективных подходов к изучению языковой личности мы считаем дискурсивно ориентированный, в рамках которого можно говорить о существовании дискурсивной языковой личности; впрочем, в этом понятии могут акцентироваться разные аспекты. С одной стороны, дискурсивной языковой личностью называют языковую личность, которая «порождает определенный дискурс» [Плотникова 2005: 5]. С другой — дискурсивная языковая личность «принадлежит дискурсу и реализует себя как создатель текстов и сообщений в различных разновидностях дискурса» [Резина 2005 — цит. по: Кац 2009: 12]. Исходя из последнего, можно заключить, что дискурсивный анализ феномена языковой личности — это своего рода «анализ человека в языке с позиций того или иного дискурса, в котором человек участвует» [Карасик 2007а: 79].

Под дискурсивной языковой личностью

мы понимаем «такую языковую личность, специфические индивидуальные характеристики и коммуникативные компетенции которой проявляются в дискурсивной деятельности в рамках дискурса определенного типа» [Малышева 2011: 307].

Типологические характеристики моделей дискурсивных языковых личностей, с одной стороны, будут задаваться совокупностью дискурсивных характеристик (прежде всего коммуникативной и жанровой спецификой дискурса), а с другой — будут детерминироваться совокупностью индивидуальных особенностей языковой личности.

Особенности современной медиакоммуникации определяют необходимость комплексного изучения текстовой деятельности различных языковых личностей в медиасфере, в том числе в когнитивно-дискурсивной и коммуникативно-дискурсивной парадигмах. Действительно, за каждым медиатекстом «стоит» дискурсивная языковая личность со свойственными ей особенностями: картиной мира, тезаурусом, системой ценностей, общей и речевой культурой.

Примечательно, что предметом внимания исследователя могут стать как лингвистические особенности текстовой деятельности отдельно взятого журналиста, так и модельная личность как обобщенно-типичный образ.

Впрочем, параметры анализа дискурсивной языковой личности журналиста/теле-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, номер проекта: 17-04-00635/17-ОГОН.

ведущего/спортивного комментатора схожи: как правило, за основу берутся стилистические, коммуникативно-прагматические, речежанровые, когнитивные характеристики.

Так, например, изучая речевое поведение телеведущих игровых программ, М. А. Канчер [Канчер 2002] предлагает технологию описания, которая включает стилистический и коммуникативно-прагматический анализ дискурса. Результаты данных типов анализа объединяются в выводы лингвокультурологического характера.

Н. Г. Шаповалова исследует модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса в коммуникативно-дискурсивной парадигме и приходит к выводам о стилистической и коммуникативной специфике данной модели: ведущие конфликтных шоу-программ сохраняют стремление к конфликтной манипуляции партнером по общению с помощью элементов лингвокреативности [Шаповалова 2008: 5—6].

Изучая идиостиль информационно-медийной языковой личности в коммуникативно-когнитивном аспекте, А. В. Болотнов, обобщая и систематизируя достижения как системно ориентированного подхода к языковой личности, берущего начало с работ Ю. Н. Караулова [Караулов 1987], так и коммуникативного и когнитивно-дискурсивного подходов, предлагает в «общей модели идиостиля, трактуемого как многообразное и многоаспектное проявление индивидуальных особенностей языковой личности в текстовой деятельности», выделить три базовых стиля: 1) культурно-речевой стиль языковой личности; 2) коммуникативный стиль; 3) когнитивный стиль личности [Болотнов 2015: 187—188]. Исследователь справедливо подчеркивает при этом, что «все аспекты идиостилевых проявлений языковой личности взаимосвязаны, материализуясь в ее дискурсивной (текстовой) деятельности» [Там же: 189].

Таким образом, подчеркнем, что специфика дискурсивной языковой личности журналиста в принципе определяется, как нам кажется, следующими факторами преимущественно дискурсивного порядка: 1) общими характеристиками современного медиатекста, которые не могут не влиять на текстовую деятельность журналиста в рамках дискурса; 2) особенностями дискурсообразующего жанра (или жанров) и их «индивидуально-авторской» модификацией; 3) спецификой базовой для дискурса коммуникативной интенции и особенностями ее индивидуально-авторской реализации, прежде всего речежанровой; 4) принадлежностью

журналиста к тому или иному типу по коммуникативной стратегии речевого поведения и доминированием в языковой личности фатической или информативной составляющих речевой коммуникации; 5) прагматилистическими особенностями речи субъекта дискурса; 6) характерными для дискурсивной языковой личности журналиста когнитивными доминантами (объективированными в создаваемых текстах концептами, концептуальными моделями, ментальными стереотипами и т. п.).

Очевидно, что названные параметры могут быть охарактеризованы и как самостоятельные этапы исследования, объединение которых позволит провести системное разноаспектное описание идиостиля дискурсивной языковой личности журналиста.

Жанровая специфика идиостиля омского журналиста Сергея Шкаева

В качестве примера выявления специфики дискурсивной языковой личности журналиста и особенностей его идиостиля предпримем анализ жанровых доминант идиостиля омского журналиста С. Шкаева.

Проведенное исследование позволяет сделать предварительный вывод о том, что в дискурсе изучаемой языковой личности происходят количественные и — главное — качественные изменения каноничных жанровых моделей, которые можно классифицировать как гибридизацию жанров.

На наш взгляд, дискурсообразующим жанром С. Шкаева является **комментарий**, с помощью которого «автор выражает отношение к актуальным событиям, формулирует связанные с ними задачи и проблемы в форме сжатого анализа недостатков или достижений, а также выражает их оценку, прогноз развития и так далее» [Тертычный 2000: 120].

Заслуживает внимания классификация комментариев на основе авторской стратегии: «точка зрения»; глоссированный комментарий (глосса); дискурсивный комментарий; диалектический комментарий [Колесниченко 2008: 74]. Особый интерес вызывают первые два подтипа, так как именно они, как представляется, частотно используются журналистом С. Шкаевым. Точка зрения — это «пропаганда автором своей позиции». Глоссированный комментарий, или глосса, — это «не анализ события, а нападение на реальность, которая воспринимается как плохая, несправедливая или фальшивая» [Колесниченко 2008: 74—79].

К основным речевым намерениям журналиста, пишущего комментарий, можно причислить выражение своего мнения, свое-

го отношения и своих оценок [Коньков 2004: 90]. Таким образом, жанр комментария концентрирует в себе авторскую позицию и вообще активно способствует персонализации журналистского дискурса.

Проанализируем комментарий С. Шкаева «По сусалу квашеной капустой» (Ваш Ореол. № 6. 6.02.2013). Вот начало этого текста:

И смех и грех. Недавно Либералиссимуса Российской Федерации, неподражаемого и непревзойдённого, съевшего в мировой и отечественной политике пуд соли и пресловутую собаку, пресса вынесла на сцену из политической кухни в квашеной капусте. Одноактный спектакль с участием лидера ЛДПР шёл в Киеве и незатейливо назывался пресс-конференцией. Как говорится, ничто не предвещало. Жириновский, одетый в не „самый дорогой“ костюм, солировал перед публикой в присущей ему державной манере. Вдруг из партера маленького зала в него что-то полетело. Ну ладно бы гнилые помидоры, тухлые яйца, торт со сливками или национальный шмат сала. Нет! Кислая капуста. Смахнув с плеча продукт питания, Владимир Вольфович резко встал из-за стола и в ответ на девичий выкрик „украинофоб“ произнёс яростный монолог. Всего за каких-то полминуты либерал-демократ поставил диагноз капустной метательнице („тварь“ и „шизофреничка“), объявил строгий выговор своей нерадивой охране („уволю!“) и почему-то даже вспомнил о голодающих бомжах „Рідны нэньки“. Viva visimo, Вольфыч, туды-т её в качель! ...

Итак, основной коммуникативной целью журналиста является комментирование события. Перед нами «точка зрения» — материал, в котором автор пропагандирует свою позицию. При этом четко прослеживается структура комментария: введение, в котором освещается информационный повод/событие (инцидент на конференции); основной текст, в котором автор рефлексировывает по поводу данного события, привлекает культурно-исторический контекст, пытается проанализировать логические связи между различными по своему характеру ситуациями; заключение, в котором актуализируется гротескная ассоциация украинской «капустной метательницы» с «тортометателем» Ноэлем Годеном.

С. Шкаев использует информационный повод не с тем, чтобы в дальнейшем проанализировать конкретное событие, выявить его предпосылки, причины, последствия и тенденции, а для того, чтобы оттолкнуться от него и обрисовать историко-культурное пространство события. Взяв в пример «ка-

пустную метательницу» Татьяну Лиходееву, журналист переходит к проблеме революционных процессов на Украине и, в частности, женского участия в этих процессах. Затем С. Шкаев «вспоминает» Веру Засулич и Фанни Каплан, проводя между этими историческими фигурами и девушкой, бросившей во Владимира Жириновского квашеную капусту, логическую связь. Таким образом, автор доводит до абсурда образ хулиганки, то называя ее амазонкой, то сравнивая ее с политическими убийцами. Заканчивается текст «параллелью» между Татьяной Лиходеевой и Ноэлем Годеном:

Известно, что лавры „тортометателя“ шелестят на голове некоего бельгийца по имени Ноэль Годен, который создал и возглавляет движение „Международные пирожные бригады“. Давным-давно он работал в дешёвом журнале и писал заметки о кино. Однажды это ему надоело, и Годен решил бросить торт в лицо писательнице Маргерит Дюрас, выступавшей в своих книгах против „бесцветности будничной жизни“. Вот ей первой и скрасили жизнь... Непростому искусству метания следует учиться у великого комика Бастера Китона. Тот однажды на съёмках швырнул сладкий снаряд на девять метров и попал точно в лицо. На этом фоне капустная атака в Киеве — пошлая художественная самодеятельность. В общем, и смех и грех.

Можно отметить слабый интертекстуальный потенциал данного прецедентного имени, о котором большая часть читательской аудитории не знает. Таким образом, автор не пытается анализировать причины и следствия события, он обращается к ассоциациям и примерам из истории, что приводит к созданию весьма странного и бесполезного эффекта. Наряду с прочими чертами, это составляет специфичность комментария С. Н. Шкаева.

Однако в дискурсе С. Н. Шкаева существуют комментарии, еще более отдаленные от стандартов жанра, например текст под названием «Повесть безвременных лет» («Бизнес-курс». 15.05.2013), в котором автор сочетает прозу и стихи.

Перед нами яркий результат двух основных процессов, происходящих в дискурсе С. Шкаева с жанрами: во-первых, качественное преобразование жанрового канона (образца, стандарта), во-вторых, приобретение текстом «имени» жанра — новой номинации. В данном случае это номинация «повесть».

С точки зрения качественных изменений, текст претерпевает реконструкцию, вследствие чего теряет первичные (формальные) признаки журналистского комментария и

становится похожим на художественное произведение. То же самое происходит и с общей тональностью текста, его семантикой и прагматикой. Данный текст вряд ли можно назвать комментарием, однако именно комментарий, на наш взгляд, является его жанровым инвариантом. Об этом говорит в первую очередь авторская интенция, заключающаяся в необходимости прокомментировать событие или — в данном случае — целую «эпоху», во время которой губернатором Омской области был Л. К. Полежаев (в тексте — *Морок*). Журналист подмечает основные «вехи» правления Л. К. Полежаева, в большей степени оценивает и в меньшей — анализирует их. Так, например, описывается журналистом деятельность «12 канала»:

Взойдя на трон, Он первым делом открыл „Тринадцатый канал“, где красовался во всем белом и грезы оптом продавал и всякий раз менял обличье. Сей Морок с детства слыл двуличным. Таким, как шварцевский Дракон... Вторым по счету стал Закон „О микрочипах для obsługi и имплантатах в ее мозге“: дабы пластичная, как воск, творила Бога, чтоб в округе иных божков знать не желала да страстью к Мороку пылала («Бизнес Курс». 15.05.2013).

Таким образом, личность главы региона рисуется С. Шкаевым в «монструозных тонах», активно используются гротеск и доведение до абсурда. Очевидно, что сам по себе акт комментирования сохраняется, однако его тональность изменяется: реалии действительности могут искажаться, вплоть до гротеска и карикатурного изображения; автор отходит от журналистского стандарта; автор стирает границы между публицистикой и художественной литературой; комментарий становится «упражнением для ума», «игрой с читателем» (не все из которых готовы играть с журналистом). Помимо комментария, С. Н. Шкаев также использует жанровый инвариант **версии**, однако преобразует его особым образом.

Версия как жанр исключает категоричность выводов, заключений и содержит в своей основе метод домысливания (или даже вымысла). Как правило, версия выступает в качестве жанра, предваряющего подготовку материалов более серьезных жанров, которые опираются на достоверные, проверенные сведения, факты [Тертычный 2000: 206].

Жанр версии в дискурсе С. Шкаева «мутирует» в «мистификацию». Специфичность альтернатив этого жанра в дискурсе С. Шкаева заключается в том, что тексты журналиста не соотносятся с реальной дей-

ствительностью и представляют собой вымысел в чистом виде. К таким произведениям можно отнести публикацию «Щелбаны для Перспективы: Ненаучно-фантастическая пьеса (отрывок)» (Ваш Ореол. 2009. № 31 (308). 19 авг.). В данном тексте С. Шкаев описывает будущее России и, в частности, будущее президента В. В. Путина.

Мы не берем на себя смелость утверждать, прав или не прав С. Н. Шкаев, описывая Россию будущего, имеет ли излагаемая им политическая картина мира почву для реализации, однако в данной статье информатизм и аналитизм используются автором исключительно как средства стилизации. Это означает, что объективная информация и ее аналитическая составляющая «стремятся к нулю». С. Шкаев рефлексировал на тему, которая не задается ни реальной действительностью, ни актуальными проблемами современной политики. Это тема, которую журналист сам же и создает. В данном случае мы можем говорить о том, что журналист создает, по сути, не публицистический текст, а художественный. Именно эти параметры — снижение информативности и доминирование «вымысла» — и задают качественное преобразование жанра версии в изучаемом дискурсе.

Специфика рубрикации текстов С. Шкаева

С. Шкаев долгое время работал в высокотиражном издании «Ваш Ореол», где печатался в рубрике «Историческая параллель», которую использовал для обобщения материалов, в которых предпринимается попытка наложить друг на друга аналогичные по своему сущностному и различные по историческому и/или культурологическому характеру «событийные пласты». Можно выделить основную функцию рубрики — освещение того или иного события сквозь призму истории и культуры. Исходя из этого можно констатировать важность ряда факторов, влияющих на понятность и уместность исторической параллели. Во-первых, она должна быть транспарентна: адресат, которому предлагается сложная аналогия (выходящая за рамки его индивидуальной когнитивной базы), не только не поймет сути сравнения, но и рискует искаженно понять актуальное событие. Во-вторых, историческая параллель должна отвечать требованию жесткой компаративности, или сравнительности. Иными словами, сравнение различных событий без учета их специфики бессмысленно.

Мы можем сделать вывод, что в большинстве случаев «параллели» С. Шкаева не

отвечают этим условиям. Параллели может не быть как таковой, а исторический фон может использоваться автором лишь для стилизации. С другой стороны, параллель может быть чрезвычайно сложной для интерпретации адресатом дискурса, за ней подчас трудно увидеть авторскую интенцию.

Так, например, в тексте «Сказание о встрече с Агасфером» (Ваш Ореол. 2012. № 13. 21 марта) С. Шкаев описывает свою встречу с библейским персонажем Агасфером, Вечным жидом.

Весьма сложно определить базовую интенцию данного текста, в котором доля объективно значимых реалий действительности ничтожно мала. На наш взгляд, автор злоупотребляет постмодернистскими средствами стилизации и создает своего рода имитацию журналистского текста, в котором хаотично смешиваются разные эпохи, лица и стили. Трудно говорить о том, что такого рода эстетически и формально «усложненные» произведения, опубликованные в еженедельной газете или в рекламно-информационном журнале, с легкостью воспринимаются и понимаются массовым адресатом. Неоднозначный выбор жанра, смысловая и композиционная усложненность, избыток отсылок к текстам, не являющимся прецедентными, и вообще повышенный уровень интертекстуальности затрудняют прочтение и понимание.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что дискурсивная языковая личность С. Шкаева, безусловно, выделяется из ряда региональных журналистов и обладает яркой индивидуальностью, в том числе с точки зрения жанровых характеристик его идеостиля. Тем не менее чрезмерная субъективность в оценке социально значимых феноменов, активное употребление специфических средств выразительности, концентрация индивидуальных черт и почти полный отказ от публицистического стандарта приводят к проблемам, связанным с восприятием предлагаемых им текстов и их интерпретацией

массовым адресатом региональных печатных СМИ.

Если же вернуться к нашим замечаниям теоретического характера относительно релевантных параметров исследования идеостиля дискурсивной языковой личности журналиста, то следует констатировать, что анализ жанровой специфики текстов, репрезентированных в дискурсе, является весьма важным этапом анализа особенностей идеостиля с точки зрения прагматистического и коммуникативного аспектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнов А. В. Идеостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования : дис. ... д-ра филол. наук. — Томск, 2015. 405 с.
2. Канчер М. А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. 20 с.
3. Карасик В. И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж : ВГУ, 2007а. Вып. 7. С. 78—86.
4. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс : науч. альм. Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. — Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2007б. Вып. 5. С. 86—89.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004. 390 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987. 263 с.
7. Кац Е. А. Языковая личность в поэтическом идеолекте Георгия Иванова : дис. ... канд. филол. наук. — М. : МГУ, 2009. 267 с.
8. Колесниченко А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. 192 с.
9. Коньков В. И. Речевая структура газетных жанров : учеб. пособие. — СПб. : Роза мира, 2004. 221 с.
10. Мальшева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : дис. ... д-ра филол. наук. — Омск : ОмГУ, 2011. 405 с.
11. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. — М., 1996. Вып. 426 : Язык. Поэтика. Перевод. С. 112—116.
12. Плотникова С. Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса. Вестн. ИГЛУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Иркутск, 2005. С. 5—16.
13. Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2000. 312 с.
14. Шаповалова Н. Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2008. 19 с.

E. G. Malysheva
Omsk, Russia

DISCURSIVE LINGUISTIC PERSONALITY AND IDIOSTYLE OF THE JOURNALIST: METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS (BASED ON THE TEXTS OF OMSK JOURNALIST SERGEY SHKAEV)

ABSTRACT. *The paper analyzes modern approaches to the analysis of linguistic persona in general and media linguistic persona in particular. The term "discursive linguistic persona" is defined in the frames of cognitive-discursive approach as a linguistic persona whose specific, individual features and communicative competences reveal themselves in discursive activity in a certain type of discourse. The main parameters of the ideostyle of discursive linguistic persona are singled out. The genre specificity of the ideostyle of a journalist is revealed on the basis of the texts written by Sergey Shkaev. It is typical of this linguistic persona to change the canonic genres by means of combining them and thus presenting the so-called hybrid genres. The main genre of S. Shkaev is a comment. He uses new information not to analyze the event, reveal its prerequisites, causes and consequences, but to describe historical and cultural space of the event and to find associations and examples in the history. Apart from comment S. Shkaev also uses the genre invariant of the version, and as a result creates a literary text rather than a publicistic one. The qualitative changes in the genre of version add such parameters as lack of information and dominance of*

fiction. Abundance of subjective evaluations of socially meaningful phenomena, frequent use of specific stylistic devices and individual style of the author, together with rejection of publicistic standard lead to the problems in comprehension of such texts and their interpretation by the mass addressee of the regional print media.

KEYWORDS: *media discourse; linguistic persona; journalism genres; journalism; mass media; media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Journalism and Medialinguistics, Faculty of Philology and Mediacommunication, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia.*

REFERENCES

1. Bolotnov A. V. Idiosti' informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti: kommunikativno-kognitivnye aspekty issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk. — Tomsk, 2015. 405 s.
2. Kancher M. A. Yazykovaya lichnost' televedushchego v ramkakh russkogo ritoricheskogo etosa (na materiale igrovyykh programm) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2002. 20 s.
3. Karasik V. I. Diskursivnaya personologiya // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. — Voronezh : VGU, 2007a. Vyp. 7. S. 78—86.
4. Karasik V. I. Lingvokul'turnyy tipazh // Yazyk. Tekst. Diskurs : nauch. al'm. Stavropol'skogo otdeleniya RALK / pod red. prof. G. N. Manaenko. — Stavropol' : Izd-vo PGLU, 2007b. Vyp. 5. S. 86—89.
5. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — M. : Gnozis, 2004. 390 s.
6. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M. : Nauka, 1987. 263 s.
7. Kats E. A. Yazykovaya lichnost' v poeticheskom idiolekte Georgiya Ivanova : dis. ... kand. filol. nauk. — M. : MGU, 2009. 267 s.
8. Kolesnichenko A. V. Prakticheskaya zhurnalistika : ucheb. posobie. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2008. 192 s.
9. Kon'kov V. I. Rechevaya struktura gazetnykh zhanrov : ucheb. posobie. — SPb. : Roza mira, 2004. 221 s.
10. Malysheva E. G. Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk. — Omsk : OmGU, 2011. 405 s.
11. Neroznak V. P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny // Sb. nauch. tr. Mosk. gos. lingv. un-ta. — M., 1996. Vyp. 426 : Yazyk. Poetika. Perevod. S. 112—116.
12. Plotnikova S. N. Yazykovaya, kommunikativnaya i diskursivnaya lichnost': k probleme razgranicheniya ponyatiy // Lingvistika diskursa. Vestn. IGLU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — Irkutsk, 2005. S. 5—16.
13. Tertychnyy A. A. Zhanry periodicheskoy pechati : ucheb. posobie. — M. : Aspekt Press, 2000. 312 s.
14. Shapovalova N. G. Model' konfliktnoy yazykovoy lichnosti uchastnika massmediynogo diskursa (na materiale radio, televideniya i Interneta) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Saratov, 2008. 19 s.